

На правах рукописи

КОБЕЛЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ФОРМИРОВАНИЕ КОРНЕВОГО СКЛОНЕНИЯ В
ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ В СВЕТЕ ДАННЫХ
ИНДОЕВРОПЕИСТИКИ**

10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет» на кафедре языков народов Сибири.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Осипова Ольга Андреевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Проскурин Сергей Геннадьевич

кандидат филологических наук, доцент
Казанцева Татьяна Юрьевна

Ведущая организация: Томский государственный университет

Защита диссертации состоится 23 декабря 2006 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета К 212.266.02 при ГОУВПО «Томский государственный педагогический университет» по адресу: 634041, г. Томск, Комсомольский просп., 75.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУВПО «Томский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан 22 ноября 2006 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н. П. Гальцова

Общая характеристика работы

Настоящее диссертационное исследование посвящено проблеме формирования корневого типа склонения в древнегерманских языках, рассматриваемого в свете данных других индоевропейских языков, т. е. является исследованием в области сравнительно-исторического языкознания.

Германские языки, являясь одной из ветвей обширной индоевропейской семьи языков, с одной стороны, сохраняют общие для всех индоевропейских языков принципы построения именной системы. С другой стороны, германские языки внесли в свою структуру ряд инноваций и характерных особенностей, которые и позволили выделиться германской ветви в самостоятельную. Таким новшеством является корневое склонение. Значительную часть слов, склоняющихся по корневому типу в древнегерманских языках, составляют имена существительные индоевропейского происхождения, которые характеризовались двухморфемной структурой (корень + окончание). Особенность германских корневых основ заключается в том, что они образовали тип склонения (корневое склонение), который отсутствует в других индоевропейских языках, так как индоевропейские корневые имена распределялись по типам склонения соответственно звуку, которым оканчивалось корневое образование.

Позже в древнегерманское корневое склонение стали включаться слова, которые с позиции синхронии также имели двухморфемную структуру (гот. *naht-s* «ночь»). Тем не менее, морфологический анализ таких имён позволяет вычленить в их структуре морфему, которая в период общеиндоевропейского языка могла быть основообразующим суффиксом, например, гот. *naht-s* «ночь» < и.-е. **nok-t-es* (корень + суффикс + окончание).

К древнегерманскому корневому склонению также принадлежали германские слова, образованные от основы глагола, и которые также состояли из корня и окончания (гот. *baurg-s* «город»), как и индоевропейские корневые имена.

Возникшее таким образом структурное разнообразие данного типа склонения, причины его формирования в древнегерманских языках, основания для включения в этот тип некоторых слов с иной морфологической структурой или иного происхождения требуют тщательного изучения, что и определяет **актуальность** исследования.

Объектом данного исследования является корневое склонение в древнегерманских языках. Причиной выбора данного типа склонения в качестве объекта исследования послужил тот факт, что до настоящего времени класс корневых основ специально рассматривался в диссертационной работе лишь однажды. Предпринятое Е. С. Кубряковой¹ исследование корневых основ ставило своей целью осветить историю данного типа склонения в исторический период готского и английского языков (в последнем до новоанглийского периода), при этом особое внимание уделялось парадигматическим особенностям и процессам распада корневого склонения.

Предметом нашего исследования являются пути и причины формирования древнегерманского корневого склонения, а также мотивы, побудившие разнообразные внепарадигматические образования включиться в этот тип.

Научная новизна исследования заключается в том, что формирование одного из германских склонений рассматривается с широким привлечением данных других индоевропейских языков, так как до настоящего времени корневое склонение в древнегерманских языках не рассматривалось в этом ключе, не смотря на то, что Е. С. Кубрякова указывала на необходимость такого исследования ещё пятьдесят лет назад. Новым в работе является также исследование не только морфологических особенностей, но этимологический анализ и анализ семантики существительных, так как включение существительных в корневой тип склонения обусловлено не только изменениями в морфологической структуре, но и их семантикой.

---

¹Кубрякова, Е. С. Корневые основы в германских языках (на материале готского и английского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1955.

Цель настоящей работы — исследование исторических основ возникновения и развития корневого типа склонения в древнегерманских языках.

Поставленная цель определяет необходимость решения следующих **задач**:

- рассмотреть принципы морфологической классификации имён существительных индоевропейских языков и именные классы, как основу такой классификации, определить место индоевропейских корневых имён в морфологической классификации и семантику корневых имён в индоевропейских языках;
- выявить группы слов, вошедших в корневое склонение в древнегерманских языках;
- проанализировать морфологические и семантические изменения, произошедшие в классе корневых основ в древнегерманских языках;
- определить причины включения в корневое склонение слов с индоевропейскими суффиксами -t и -nt.
- исследовать древнегерманские модели образования слов с корневой структурой и их семантику.

Материалом для исследования послужили готские, древнеанглийские и древнеисландские имена существительные, склоняющиеся по корневому типу. Общее количество проанализированных слов составляет 44, из них 11 готских, 23 древнеанглийских и 10 древнеисландских.

Теоретической и методологической основой работы послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов по сравнительно-историческому языкознанию, а именно в области индоевропеистики и германистики. При исследовании использовался материал этимологических словарей, грамматик. Исторический подход к развитию корневого склонения в германских языках основывается на данных морфологии, морфонологии, этимологии, а также типологии и подтверждается историческими, мифологическими и культурологическими данными.

Теоретическая значимость работы заключается в реализации комплексного подхода к историческим процессам в языке. Материалы и результаты исследования являются вкладом в сравнительно-историческое изучение как древнегерманских, так и индоевропейских языков.

Практическая значимость исследования состоит в том, что её основные положения, материалы и выводы могут быть использованы при разработке курсов по истории германских языков, сравнительно-историческому языкознанию, введению в германскую филологию, а также в дальнейших работах по проблемам индоевропейского и германского склонения и для типологических исследований.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Корневое склонение в древнегерманских языках сформировалось из слов, разнообразных по своей морфологической структуре и происхождению. Имена, вошедшие в этот тип, отражают развитие семантических и морфологических особенностей индоевропейских языков.

2. Одну из основных групп германского корневого склонения составили индоевропейские имена, обозначающие животных (в собирательном значении), а также деревья (с развившимся инактивным значением).

3. Корневой тип склонения в древнегерманских языках пополнялся внепарадигматическими образованиями, такими как бывшие индоевропейские t- и nt-основы. Это привело к значительной морфологической разнородности слов, относящихся к корневному склонению. Переход в древнегерманское корневое склонение бывших t- и nt-основ обусловлен не только изменением их морфологической структуры, но и их семантикой.

4. Германские имена, образованные от основы глагола, включались в этот тип благодаря их инактивной семантике.

Структура диссертации

Работа общим объёмом в 139 страниц состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка принятых сокращений, списка использованной литературы,

который содержит 147 источников, в том числе 33 на иностранных языках, и приложения.

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, определяется объект исследования, новизна, цели и задачи работы, методы исследования.

В первой главе «Корневые основы в системе склонения в индоевропейских и германских языках» рассматривается проблема именных классов в индоевропейских языках, анализируется морфологическая классификация имён существительных, особенности морфологического строения корневых имён и их семантика в индоевропейских языках. Особое внимание уделяется корневному типу склонения в древнегерманских языках и его частичному индуцирующему влиянию на другие основы в период формирования этого склонения. Анализируются группы имён, склоняющихся по корневному типу в древнегерманских языках.

Вторая глава «Древнегерманские корневые основы, обозначающие животных, растения и части тела» содержит анализ реконструированных семантических категорий, характерных для периодов индоевропейского периода. Исследуются корневые основы индоевропейского происхождения, обозначавшие животных (в собирательном значении), образование и семантика наименований деревьев, история древнегерманских слов со значением «нога».

Третья глава «Индоевропейские t- и nt-основы, включившиеся в древнегерманское корневое склонение» представляет исследование слов, в корне которых присутствует индоевропейский суффикс -t или -nt. Рассматриваются морфологические и семантические изменения, ставшие причиной включения этих слов в германское корневое склонение.

Четвёртая глава «Древнегерманские корневые основы, образованные от основ глагола» посвящена анализу словообразовательной модели и анализу семантики древнегерманских существительных, которые по своему происхождению являются производными: 1) от основ претерита или причастия прошедшего времени сильных глаголов; 2) от основы бывших стативных глаголов.

В **заключении** в обобщённой форме излагаются результаты выполненного исследования.

Приложение содержит список слов, склоняющихся по корневому типу в древнегерманских языках (в готском, древнеанглийском и древнеисландском).

Апробация работы. Материалы и результаты исследования представлены в докладах на конференциях: «Филология и журналистика в начале XXI в.» Саратов, СГУ (апрель 2003), «Актуальные проблемы высшей школы» Куйбышев, КФ НГПУ (апрель 2004), «XXIV Дульзоновские чтения» Томск, ТГПУ (июнь 2005), «Взаимодействие репродуктивного и продуктивного типов деятельности» Куйбышев, КФ НГПУ (ноябрь 2005). Основные положения диссертации изложены в 6 публикациях.

Основное содержание работы

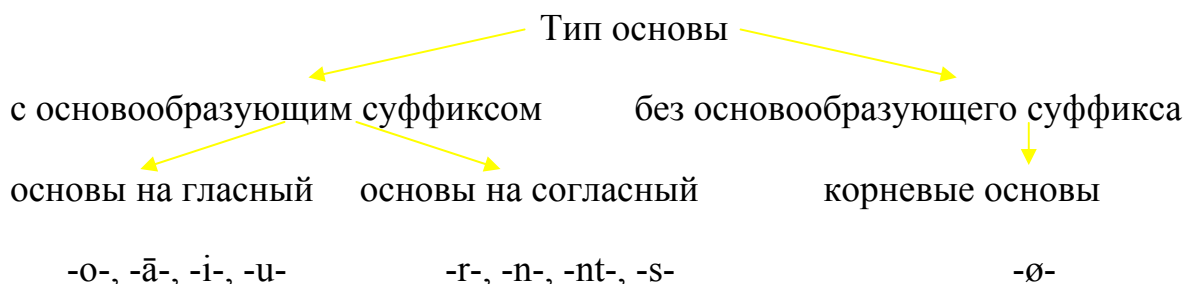
Глава 1. Корневые основы в системе склонения в индоевропейских и германских языках включает разделы «Морфологическая классификация имён существительных и проблема именных классов в индоевропейских языках», «Корневые основы. Морфологическая структура корневых основ», «Корневые основы в индоевропейских языках», «Корневые основы в древнегерманских языках», «Структура корневого склонения в древнегерманских языках».

Система склонения имени существительного в древнегерманских языках основана на принципах, характерных для всех индоевропейских языков. Индоевропейское склонение и морфологическая структура слова тесно связаны с вопросом о типах именной классификации. В основе большинства именных классификаций лежат типы основообразующих суффиксов, происхождение и разнообразие которых являются отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения, т. е. когда индоевропейский язык мог характеризоваться активным или даже классным строем.

Германские языки в значительной степени перестраивают морфологическую структуру существительного (трёхморфемная структура заменяется двухморфемной). Происходит частичное перераспределение имён по основам. Значительную роль в этом процессе играют так называемые корневые основы. Данный класс слов в индоевропейском характеризовался отсутствием основообразующего суффикса, т. е. такие имена имели структуру корень + $\emptyset$ + окончание.

Корневые основы долгое время оставались без внимания в отечественном и зарубежном языкознании, и традиционное деление существительных по типу основообразующего суффикса на гласные и согласные не учитывало особенную морфологическую структуру корневых образований. Е. С. Кубрякова в своих работах говорит о необходимости ввести в классификацию именных основ такой критерий как наличие / отсутствие основообразующего суффикса (Е. С. Кубрякова утверждала это в отношении германских именных основ, однако автор работы полагает, что её деление имён существительных по типу основы можно проецировать и на индоевропейский уровень. В настоящей работе используется материал индоевропейских языков, поэтому для обозначения типов основ применяется номенклатура, принятая в индоевропеистике, т. е. и.-е. о-основа = герм. а-основа, и.-е. ā-основа = герм. ḡ-основа и т. д.):

Индоевропейские корневые основы являются отражением той эпохи, когда основообразующие суффиксы ещё не были таковыми, а выполняли формообразующую функцию. Класс корневых основ в общеиндоевропейском языке был достаточно многочисленным. Анализ их семантики свидетельствует о том, что спектр значений корневых основ достаточно широк. Их семантика и

морфологическая структура показывают, что данный класс является очень древним.

Древнегерманские корневые основы обнаруживают принципиально важную инновацию: в этих языках они объединились в отдельный тип склонения, в то время как в индоевропейских языках они распределялись по типам склонений соответственно звуку, которым оканчивалось корневое образование.

В процессе формирования корневого склонения некоторые внепарадигматические образования (например, индоевропейские *t-* и *nt-*основы) и новообразования включались в этот тип. Это объяснялось изменением морфологической структуры этих имён, фонетическими процессами, а также их семантикой.

Корневое склонение, таким образом, содержало слова с разной морфологической структурой и разного происхождения, и это повлекло за собой изменение объёма понятия «корневые основы». В германских языках этот термин стал обозначать имена, склоняющиеся по особому типу, который принято называть корневым склонением.

В этом склонении можно выделить следующие группы слов:

1) германские корневые основы, которые сохранили индоевропейскую морфологическую структуру (корень + окончание). Сюда относятся наименования животных (др.-англ. *cū* «корова», др.-англ. *gāt* «коза» др.-исл. *mūs* «мышь» и др.), наименования некоторых деревьев (др.-англ. *āc* «дуб», др.-англ. *bōk* «книга» < «бук»), а также слова со значением «нога» (др.-англ. *fōt*);

2) германские имена индоевропейского происхождения, в которых бывший суффикс *-t* и *-nt* является уже не отдельной морфемой, а частью корня (др.-англ. *niht* «ночь», гот. *waihts* «дело», др.-англ. *tōþ* «зуб»);

3) имена, образованные от глагольной основы и обладавшие двухморфемной структурой (гот. *baurgs* «город», гот. *brusts* «сердце, грудь», др.-англ. *druh* «корзина»).

Данное деление германских корневых основ на группы определяет ход дальнейшего исследования.

Глава 2. **Древнегерманские корневые основы, обозначающие животных, растения и части тела** включает следующие разделы: «Индоевропейские семантические категории и их связь с индоевропейским склонением», «Отражение категории «собирательность» в древнегерманских наименованиях животных», «Древнегерманские слова, обозначающие деревья», «История германских производных от индоевропейского корня *ped- / *pod- «нога».

Морфологическую структуру имени и развитие склонений невозможно рассматривать с позиции диахронии отдельно от семантических категорий, которые отразились как в структуре имени, так и в типах склонения.

Одна из наиболее поздних категорий – категория рода – послужила причиной очень значительной по своему масштабу перестройки именных склонений. Соответствие рода грамматического (*genus*) роду природному (*sexus*) охватывает лишь обозначения людей и домашних животных. В отношении остальных слов род, по мнению А. Мейе, — одна из наименее логичных категорий.

Х. К. Уленбек, а позднее А. Мейе обосновали развитие индоевропейской трёхчленной системы рода из двучленной оппозиции неодушевлённого и одушевлённого родов. Категория «одушевлённость / неодушевлённость» в большей степени типична для языков классной типологии и для этапа становления активного строя. При развитии активного строя она переходит в категорию по признаку «активность / инактивность». Но за этими двумя вариантами классификации, которые свойственны очень многим языкам, стоят более конкретные и многочисленные классы, наследованные, вероятно, из того периода, когда для праиндоевропейского языка характерным был классный строй. Для такого состояния В. Леман реконструировал четыре класса с соответствующими маркерами.

Данные категории накладывались друг на друга, перекрещиваясь и элиминируя более древние оппозиции только до определённой степени. Сформировавшееся бинарное противопоставление отразилось в морфологии имени, т. е. каждый член оппозиции маркировался определёнными формантами, а позднее — отнесением имени к определённому типу склонения.

Древнегерманские имена корневого склонения, обозначающие животных, деревья и части тела сохранили индоевропейскую морфологическую структуру и являются одними из древнейших именных образований.

Животные. Древнеанглийское *cū* и др.-исл. *kūg* «корова» восходят к и.-е. корню **g^wōu-*, который в индоевропейских языках употреблялся без различия самца и самки. Эту особенность наследовали индоиранские и славянские языки: др.-инд. *gāuh* (*gāus*), авест. *gāuš*, перс. *gāv*, латыш. *gouvs*, чеш. *hovado* обозначали и быка и корову, использовались в собирательном значении «крупнорогатый скот».

Наименования этого животного в индоевропейских языках восходят к двум основам: **g^ué/ou-* (др.-инд. *gūh*) и **g^uōu-* (др.-инд. *gāuh*, греч. *βους*, лат. *bōs*). При этом Э. Бенвенист отмечает, что одна из них принадлежала одушевлённому роду. В основе корреляции этих двух вариантов корня лежит тот же признак, что и в древнеиндийской паре *ráṣu* (ср. р.) и *raṣúh* (м. р.) (лат. *pecu* / *pecus*). Имея одинаковое значение «скот», первое слово обозначает неодушевлённые денотаты, а второе — одушевлённые.

Все германские имена, образованные от основы **g^uōu-*, обозначали вид животного безотносительно их пола и при формировании корневого склонения стали принадлежать этому типу. Включение др.-англ. *cū*, др.-исл. *kūg* в корневое склонение, было, таким образом, обусловлено их семантикой («собирательные понятия»).

Точно также др.-англ. *gāt*, др.-исл. *geit* «коза», восходящие к индоевропейскому корню **gaid-*, обозначают животных обоих полов. Оппозиция «самец» / «самка» возникла позже, и для обозначения самца

использовались другие корни: др.-англ. *bussa*, др.-исл. *hafir* (м. р.) «козёл». В древнеисландской мифологии козёл выступает как животное, впрягаемое в «колесницу божества»: в Эдде описывается, как бог грома Тор ездит на колеснице, запряжённой козлом. Данный факт свидетельствует об особой социально-значимой роли этого слова, т. е. древнегерманские наименования козла могли выражать одушевлённые понятия.

Почти во всех индоевропейских языках представлено слово со значением «свинья», восходящее к и.-е. корню **sū-*: др.-англ. *sū*, др.-исл. *syg*, лат. *sūs* (корневые основы), греч. *υς*, авест. *hū*. В индоевропейских языках также имеются другие слова для обозначения этого животного: др.-англ. *bearh*, рус. боров и др.-англ. *fearh*, рус. поросёнок, которые можно возвести к параллельным вариантам одного корня, но с разными значениями: др.-англ. *bearh*, др.-в.-н. *baruh*, др.-исл. *þorggr* обозначают только самца, в то время как производные от корня с глухим начальным согласным (**pork-*) обозначают детёныша. Это подтверждает мнение В. Г. Конецкой о более важном и древнем противопоставлении по признаку возраста. Общее (видовое) значение «свинья» выражалось производными от корня **sū-* (корневое склонение в германских языках), а конкретные животные («боров», «поросёнок») — другими корнями.

Деревья. Дуб и бук (растущие деревья) воспринимались индоевропейцами как одушевлённые. В понимании мироздания древними индоевропейцами дуб занимал особое место, так как строение Вселенной воспринималось как строение дерева, часто именно дуба, т. е. дерево (дуб), как и гора (Мировая гора), символизировали Вселенную. Принадлежность деревьев к одушевлённому классу объясняется также тем, что деревья приносят плоды, т. е. «рожают». Названия плодов становятся именами неодушевлённого рода, так как обозначают результат действия. Данный факт ярко отражён в таких парах как греч. *άλυος* (ж. р.) и *άλιον* (ср. р.), лат. *pirus* и *pirum* — «грушевое дерево» и «груша». В германской мифологии дуб продолжал играть очень важную роль, и это подтверждается данными истории и мифологии. От и.-е. **ag-* «расти» образованы др.-исл. *akarn* «желудь, плод дикорастущих растений»,

др.-англ. *æskeran* «желудь, орех», а др.-исл. *eik* и др.-англ. *āc*, «дуб» — от варианта того же корня **aig-*, т. е. противопоставление по признаку «одушевлённость, активность» / «неодушевлённость, инактивность» реализуется с помощью вариантов одного корня. Позже в древнеисландском и древнеанглийском наименовании дуба развилось дополнительное значение «чёлн, судно из дуба». Появление неодушевлённого (инактивного) значения, т. е. «изделие из древесины (как материала, неживого дерева)» < «(живое, растущее) дерево», дало основание др.-исл. *eik* и др.-англ. *āc* включиться в корневое склонение.

Такая модель переноса значения не является единственной (ср. рус. берёза — береста), и ей следует германское обозначение бука. Древнеанглийское *bōc*, др.-исл. *bōk* «книга» восходят к о.-герм. **bōks* «дощечка из букового дерева для письма». Эти слова образованы от и.-е. **bhāg-*, в то время как германские обозначения букового дерева (др.-англ. *bēse*, др.-исл. *beuke*) произошли от корня с другой ступенью огласовки **bhæug-* (см. выше о двух вариантах корня для обозначения дуба и желудя). Слова, обозначающие изделие из дерева, стали склоняться по корневому типу, в то время как существительные со значением «бук (растущее дерево)» относятся к п-основам.

Части тела. От и.-е. корня **ped-* / **pod-* «нога» в индоевропейских языках образовано несколько групп существительных с помощью древнейших формантов *-s*, *-h*, *-m*: др.-инд. *padam* «след, походка» (результат действия) и *pādā* «шаг» (абстрактное), др.-инд. *pād* (< **pod-s*) «нога» (индивидуальное, активное понятие, обозначает исполнителя действия). Последняя форма дала гот. *fōtus*, др.-англ. *fōt*, др.-исл. *fōtr* «нога», которые также должны обозначать активное понятие.

Включение древнегерманских слов в корневое склонение обусловлено их морфологической структурой, несмотря на то, что их семантика препятствовала этому, так как корневое склонение могло характеризоваться сосредоточением инактивных имён. Дальнейшее развитие готского *fōtus* и др.-исл. *fōtr* происходит закономерным образом: достаточно рано они перестраивают свою

парадигму по типу склонения на -и (индуцирующее в этих языках и в большей степени соответствует их активной семантике). Важнейшим фактором для перехода в склонение на -и следует считать именно их семантику. Тот факт, что соответствующее древнеанглийское слово сохранилось в корневом склонении, можно объяснить лишь тем, что склонение на и-основы в древнеанглийском было совершенно непродуктивным, а для перехода в склонение на -n не было парадигматических оснований. Таким образом, оба потенциальных пути оказались невозможными.

Глава 3. Индоевропейские t- и nt-основы, включившиеся в древнегерманское корневое склонение содержит разделы «Индоевропейские t-основы, пополнившие корневой тип склонения в германских языках, как архаизмы активного строя», с подразделами «Активное прошлое индоевропейских языков» и «История t-основ», «Индоевропейское *dnt- / *dónt- «зуб» и категория активности / инактивности»

Среди слов, вошедших в древнегерманское корневое склонение, есть значительная группа образований, которые могут являться бывшими t-основами (гот. *nahts* и др.-англ. *niht* «ночь», др.-англ. *hæleþ* «муж, герой», др.-англ. *ealu* (род. п. ед. ч. *ealoþ*) «пиво», гот. *mēnoþs* «месяц», гот. *waihts* «дело, вещь») или nt-основами (др.-англ. *tōþ*, др.-исл. *tǫnn*, гот. *tunþus* «зуб»)

Имена на -t не образовали собственного склонения ни в одном индоевропейском языке, оказавшись, таким образом, вне какой-либо парадигмы. С позиции синхронии в германских языках -t уже не вычленяется как отдельная морфема, а является частью корня. Этот факт стал одной из причин для их включения в корневое склонение. Другой причиной мы считаем их семантику.

Падежные формы t-основ, а также сопоставление с индоевропейскими параллелями позволяют предположить, что их морфологическая структура отражает возможный активный этап в истории индоевропейских языков.

Тот факт, что индоевропейские языки имели структуру отличную от номинативной и близкую к той, которая характерна для кавказских языков или

некоторых групп языков американских индейцев, теперь уже признан большинством лингвистов. Особый вклад в разработку этого вопроса внесли А. Н. Савченко, Г. А. Климов, Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов.

Активные и инактивные имена должны были быть маркированы морфологически. Маркерами активного имени были согласные форманты: -s, -t, -n. Инактивные имена, объект действия и субъект инактивного действия изначально морфологически никак не выражались, и форма на *-n и *-t противопоставлялась, таким образом, чистой основе (∅). Чистая основа не была, видимо, достаточно отчётливым показателем в силу своей универсальности, и вскоре в парадигму был вовлечён новый элемент *-m (> n).

Противопоставление -t / -∅, таким образом, маркировало оппозицию активного и инактивного падежей соответственно. Консонантный маркер присутствует, однако, в современном родительном падеже, а в именительном падеже может быть представлен нуль (∅). Следовательно, в парадигмах подобного типа родительный падеж сохранил древние маркеры активного падежа (т. е. развился из него), а именительный падеж возник как новый падеж деятеля, субъекта при изменении всей структуры языка и заимствовал из инактивного падежа нулевой маркер.

Остатки раннеиндоевропейской двухпадежной системы, как полагает автор исследования, можно наблюдать в парадигме др.-англ. **ealu** «пиво» (единственное число):

Им.-вин. п. ealu   Род. п. ealoƿ

Следующий этап индоевропейского склонения отражён в парадигме другого древнеанглийского слова, и эта парадигма свидетельствует о редукции первоначальной функции родительного падежа как активного падежа: в винительном падеже др.-англ. hæle «герой» получило -ƿ (< и.-е. *-t), куда оно было заимствовано из родительного падежа. О более поздних изменениях в этом слове свидетельствует и окончание -es в родительном падеже. Парадигма древнеанглийского существительного в единственном числе стала выглядеть следующим образом:

Им. п. hæle   Род. п. hæleþes   Вин. п. hæleþ

Бывший форматив -t распространился и на именительный падеж (возможно, посредством винительного падежа), в результате чего возникла форма hæleþ, которая сосуществовала с более древней hæle.

Дентальный элемент в гот. waihts «дело, вещь», др.-англ. with «вещь; существо, эльф», вероятно, также является маркером бывшего активного падежа. Данные слова можно возвести к и.-е. *uek^u- «говорить». Все индоевропейские имена, образованные от этого корня, имеют о-ступень: др.-инд. vāk, лат. vōx «речь, слово, голос». Их германские и славянские параллели (рус. вещь < о.-сл. *vektь) сохранили аблаутную ступень e, которая по реконструкции Й. Шиндлера должна была характеризовать древний генитив, т. е. активный падеж. Автор исследования полагает, что германские и славянские имена могли называть предмет или явление, исконные слова для обозначения которых по тем или иным причинам не употреблялись. Таким образом, они могли иметь значение «то, о чём говорят; названное», и германский материал даже позволяет предположить, что именно подверглось табуированию, так как германские существительные также имели следующие значения: др.-исл. vettr, vætr «сказочное женское существо», др.-сакс. wiht (во мн. ч.) «демоны», т. е. обозначали одушевлённые (активные) понятия. Исключение составляет готское слово waihts, которое сохранило только значение «вещь» (ставшее инактивным), и потому — единственное из германских слов, склоняющееся по корневному типу.

Схожие процессы наблюдаются в древнегерманских наименованиях зуба, а именно гот. tunþus происходит из бывшего активного падежа, в то время как др.-англ. tōþ, др.-исл. tǫnn — из инактивного.

Данные слова, также как и лат. dēns, греч. οδών, др.-инд. dán, др.-прус. dantis, являются причастиями, образованными с помощью -nt от и.-е. *ed- «есть». Все индоевропейские параллельные образования (кроме хеттского) сохранили только активное значение «зуб» < «тот, кто ест; едящий». Наша реконструкция развития от индоевропейского корня *ed- до гот. tunþus, др.-

англ. *tōþ* сводится к следующему: изначальная форма **ed-nt* могла существовать очень недолго, так как формы активного падежа имели окситонированное ударение, и, следовательно, гласный в суффиксе не мог быть представлен нулём. Таким образом, между корнем и суффиксом возник гласный *-o-*, а начальный корневой гласный *e* исчез: **(ə)d-ó-nt*. Но эта форма не могла функционировать долго одна, так как не имела противопоставления внутри двухпадежной парадигмы. Суффикс *-nt* ослабил свою функцию, и произошло повторное маркирование продуктивным показателем одушевлённости **-es*. Новый суффикс «перетянул» на себя ударение, в то время как в инактивном падеже, маркированным **-m*, ударение осталось на корне. Теперь парадигма выглядела следующим образом:

Акт. п. **dnt-és* > о.-герм. **tunþ-íz* > гот. *tunþus*

Инакт. п. **dónt-m* > о.-герм. вин.п. **tánþ-u(n)*

о.-герм. им.п. **tánþ-s*, > др.-англ. им. п. *tōþ*

Таким образом, гот. *tunþus*, образованное от активного падежа, сохранило активное значение и перешло в склонение на *-u*, которое в большей степени отвечало его активной семантике, а др.-англ. *tōþ* произошло из инактивного падежа и, вследствие этого, склоняется по корневому типу.

Глава 4. Древнегерманские корневые основы, образованные от основы глагола включает следующие разделы «Древнегерманские корневые основы, образованные от германской основы претерита или причастия», «Древнегерманские корневые основы, образованные от бывших стативных глаголов»

В общегерманскую эпоху корневое склонение активно формировалось, притягивая к себе значительное количество новых образований, семантика которых соответствовала семантике слов, уже склоняющихся по этому типу. Значение инактивности в этих новообразованных существительных возникало за счёт использования такой глагольной основы, которая передавала бы результат, завершённость, т. е. они могли быть образованы: 1) от основы претерита или причастия прошедшего времени сильных глаголов; 2) от

глаголов состояния, восприятия, претерито-презентных глаголов (т. е. бывших инактивных глаголов).

Значительное количество существительных с корневой структурой имеют нулевую ступень аблаута, которая в древнегерманских языках реализовалась с помощью гласного *u*. Индоевропейские ступени чередования по аблауту *e / o / ø* отчётливо представлены в формах германских сильных глаголов: ступень *e* (> герм. *i*) в инфинитиве глагола, ступень *o* (> герм. *a*) в форме прошедшего времени ед. ч., ступень *ø* (> герм. *u*) в форме прошедшего времени мн. ч. и в причастии прошедшего времени.

От основы претерита или причастия прошедшего времени сильного глагола, представленного древнеанглийским *brestan*, др.-исл. *bresta* «трескаться, лопаться, разорваться», образовано гот. *brusts* «грудь, сердце». Ю. Покорный возводит германские глаголы к и.-е. корню **bhreu-* со значением «опухать». С этим глаголом связаны такие слова, как др.-ирл. *brū* «живот», валл. *brun* «холм», рус. брюхо). Связь значений германских глаголов и реконструированной индоевропейской базы будет ещё более очевидной, если с этим сопоставить рус. грудь, образованное от и.-е. корня **g^hrendh-* «вздуваться, бугриться». В отношении германских слов необходимо отметить, что слова с тождественным значением закрепили разные варианты огласовки. Нулевая ступень представлена только в гот. *brusts* и др.-в.-н. *brust*, все другие германские языки характеризуются ступенью *e*: др.-англ. *briost* «грудь», др.-исл. *brjost* «женская грудь», при этом только готское слово склоняется по корневому типу.

Древнеанглийское *dung* со значениями «тюрьма, подземелье; навоз» образовано от причастия или претерита глагола, который не засвидетельствован в германских языках, но присутствует в литовском *deĩgti* «покрывать». Значение индоевропейского корня **dhengh-* Ю. Покорный определяет как «давить, накрывать, покрывать». Данная этимология основывается главным образом на косвенных данных: в своём труде «Германия» Тацит пишет, что на зиму для убежища и хранения продуктов

германцы вырывают подземелья и наваливают сверху много навозу, чтобы «у них. Можно предположить, что первоначальное значение др.-англ. *dung* — «покрытое (навозом)», т. е. результат действия. Данная словообразовательная модель является не единственной. Подобным образом от лат. *tegō* «покрываю» образованы лат. *tēctum* «крыша», *teges* «покрывало», также о.-герм. **skeu-r-* «покрывать, укрывать» дало др.-в.-н. *scûg* «укрытие, навес».

Древнеанглийское *drūh* «корзина» связано с глаголом, который широко представлен во всех германских языках: др.-англ., др.-сакс. *dragan*, др.-исл. *draga* «тащить, носить, тянуть». Несмотря на тот факт, что ступень $\emptyset$ не представлена ни в претерите, ни в причастии прошедшего времени (глагол VI класса), связь существительного и этих глаголов является наиболее надёжной этимологией, так как корневой гласный *u* мог появиться в имени по аналогии с глаголами I – III классов. Данное объяснение подтверждается и материалом греческого языка, где с глаголом *τλά-* «переносить» связано *τάλαρος* «корзина» (т. е. буквально «переносимое»).

Нулевая ступень чередования представлена во всех германских именах со значением «город»: др.-англ., др.-в.-н. *burg*, гот. *baurgs* «город, поселение», др.-исл. *borg* «стена, укрепление, замок; большой город». Эти существительные восходят к основе претерита сильного глагола или причастия прошедшего времени глаголов, которые сохранились во всех германских языках: др.-англ. *beorgan*, гот. *baorgan*, др.-в.-н. *bergan* «скрывать, таить». Первоначально имя должно было обозначать «укреплённое, защищённое место». Все данные образования тесно связаны с таким индоевропейским корнем как **bhergh-* / **bhṛgh-* «высокий». Германские наименования горы восходят к корню с огласовкой *e*: др.-в.-н. *berch*, др.-исл. *berg* «гора», др.-англ. *beorg* «могильный курган» (кельт. *brig* «гора»). Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов указывают, что во всех индоевропейских племенах сохраняется традиция строительства крепостей на возвышенности; таким образом, германские существительные с нулевой ступенью в корне могли обозначать «укреплённое поселение, крепость на возвышенности, скале, берегу». Принимая во внимание, что город —

построенное человеком, а гора (Мировая гора) символизировала Вселенную в понимании мироздания древними индоевропейцами, можно предположить, что противопоставление двух ступеней аблаута ($\emptyset$ / e) в германских языках отражало оппозицию по признаку неодоушевлённости / одоушевлённости.

Включение древнеанглийского *hnutu* «орех» в корневое склонение объясняется не только нулевой ступенью (< и.-е. **ken-* «сдавливать, щипать»), но и его семантикой. Выше уже отмечалось, что наименования дерева и его плода принадлежали к классам активных и инактивных денотатов соответственно, так как плод (орех) понимался как результат, продукт активного действия дерева.

Нулевая ступень индоевропейского корня **gher-* «тереть, растирать» с расширителем **-d* (> и.-е. *ghreu-d) представлена в следующих германских словах: др.-англ. *grūt* «крупа, каша», др.-исл. *grautr* «каша». Нулевая огласовка во всех приведённых словах позволяет предположить первоначальное значение «растёртая, дроблёная масса» (результат действия). Данные слова могли противопоставляться именам, образованным от параллельного индоевропейского корня **g'er-* «созревать». Все индоевропейские существительные, являющиеся производными от этого корня, имеют в своей структуре формант *-n*. Их значения свидетельствуют о том, что такие слова с *-n* могли иметь высокую социальную значимость для индоевропейских племён: гот. *kaírn* «хлеб на корню и в зерне», др.-англ., др.-в.-н. *corn* «зерно (хлеб в зерне)», др.-ирл. *grān* «хлебное зерно».

Другой источник образования германских существительных — основы стативных или претерито-презентных глаголов, поскольку семантика глагольной основы подходила для передачи значения инактивности.

Готское *reiks* «властитель» образовано от стативного индоевропейского глагола **reg-* «править» и по своей семантике должно было относиться к *n*-основам. Это слово было заимствовано готским языком из кельтского и могло использоваться как прилагательное в значении «могущественный». Следовательно, можно предположить, что готское существительное

первоначально обозначало не «лицо», а состояние, которое свойственно этому лицу — состояние правления, т. е. «властвование».

В заключении обобщаются выводы исследования:

1. Проведённое исследование истории формирования корневого склонения древнегерманских языков показало, что причины его возникновения обусловлены теми семантико-грамматическими явлениями, которые определяли структуру индоевропейского языка на ранних этапах его развития. В этот тип склонения в древнегерманских языках включались слова, характеризовавшиеся разнообразной морфологической структурой и происхождением и, вследствие этого, неоднородностью семантики.

2. Наименования животных в их собирательном значении составили одну из основных групп слов, вошедших в корневое склонение. В этих словах может отражаться одна из древнейших семантических классификаций индоевропейских языков. Наименования деревьев (первоначально одушевлённые (активные) понятия) стали обозначать изделия из этих деревьев (т. е. неодушевлённые (инактивные) понятия) и включились в корневое склонение.

3. Корневое склонение в германских языках стало втягивать внепарадигматические имена (t- и nt-основы). История этих слов отражает активную структуру раннеиндоевропейского языка с двухпадежной системой. Противопоставление генитива, как бывшего активного падежа (-t), и номинатива, как бывшего инактивного падежа (-∅), отражено в парадигме индоевропейских t-основ (др.-англ. *ealu*, род. п. ед. ч. *ealof* (и.-е. $t >$ герм. β) «пиво»).

4. Распределение индоевропейских t-основ по типам склонения в германских языках обусловлено их семантикой. Существительные, сохранившие активную семантику, не могли склоняться по корневому типу др.-исл. *vettr*, *vætr* «сказочное женское существо» и др., в то время как имена, не обладавшие активным (одушевлённым) значением, должны были принадлежать этому типу (гот. *waihts* «дело, вещь»). Аналогичным образом формы,

произошедшие от активного падежа (гот. *tunþus* «зуб»), переходили в склонение на -ц, а производные от бывшего инактивного падежа (др.-англ. *tōþ*) включались в корневой тип склонения.

5. Корневое склонение продолжало пополняться за счёт слов, образованных от основы либо претерита множественного числа, либо от основы причастия II сильных глаголов и имеющих в корне нулевую ступень аблаута. Все такие существительные могли передавать значение завершённости, результата, что соответствует семантике инактивных имён. Имена, принадлежавшие этому типу, могли участвовать в оппозиции «неодушевлённость, инактивность» / «одушевлённость, активность» в качестве первого члена противопоставления.

Другая группа имён образовывалась от основы настоящего времени бывших стативных глаголов или претерито-презентных глаголов без изменения огласовки, так как семантика таких глагольных основ соответствовала семантике инактивных имён.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Кобелев В. А. Доказательство активной семантики древнегерманских существительных корневых основ, обозначающих деревья. // XXIV Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: сб. ст. международной конференции 22 – 26 июня 2005 г. – Томск, 2005. – С. 181 – 185.
2. Кобелев В. А. К вопросу об источниках существительных корневых основ в древнегерманских языках. // VII Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» 14 – 18 апреля 2003 г. Т. 2. «Лингвистика, русский язык, литература». – Томск, 2003. – С. 69 – 71.
3. Кобелев В. А. К попытке классификации существительных корневых основ в древнегерманских языках. // Актуальные проблемы высшей школы:

материалы научно-практической конференции. – Куйбышев, 2004. – С. 100 – 102.

4. Кобелев В. А. Корневые основы как индуцирующие и неиндуцирующие. // Взаимодействие продуктивных и репродуктивных видов деятельности: материалы научно-практической конференции, посвящённой памяти проф. А. С. Ростова. – Куйбышев, 2005. – С. 168 – 174.
5. Кобелев В. А. Морфологическая структура и парадигма древнегерманских t-основ как отражение активного строя раннеиндоевропейского языка. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 4 (55). Серия: гуманитарные науки (филология). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. – С. 45 – 50.
6. Кобелев В. А. Об одном доказательстве двухпадежной системы в раннеиндоевропейском (на материале древнегерманских рефлексивов индоевропейского *dnt- /*dónt-) / В. А. Кобелев. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 9 (60). Серия: гуманитарные науки (филология). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. – С. 31 – 35.